

Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Гэнбюри Уилльямса, какъ историческій памятникъ.

О времени вестминстерскаго договора, Франція, видя, что ея вѣковой врагъ, Англія, усилилась благодаря союзу съ Пруссіей, поспѣшила заключить союзъ съ врагомъ послѣдней державы, съ Австріей. Правительство же этого государства, желая заручиться содѣйствіемъ Россіи въ борьбѣ съ Фридрихомъ II, поручило своему послу въ Петербургъ добиться отъ русскаго двора возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей, которыя были прерваны въ 1744 г. высылкой изъ Россіи маркиза Шетарди. Сама императрица и приближенные къ ней сановники, исключая канцлера Бестужева-Рюмина, были склонны обмѣняться съ Франціей послами. Во главѣ этой придворной группы стояли фаворитъ императрицы, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, и его братъ Петръ. Для Уилльямса было желательно помѣшатель этому обмѣну послами, и орудіемъ къ выполнению этой цѣли онъ избралъ великую княгиню. Выборъ оказался довольно удачнымъ. Для Екатерины Алексѣевны пріѣздъ французскаго посла былъ непріятенъ уже потому, что этого желали Шуваловы. Послѣдніе, являясь ближайшими къ императрицѣ лицами, игнорировали малый, велико-княжескій дворъ. Но ко времени разсматриваемой нами переписки, когда, какъ мы указывали, Елисавета Петровна серьезно занемогла, они начали искать сближенія съ великой княгиней. Это и не удивительно. Со смертью Елисаветы имъ грозила немилость молодого двора, который естественно считалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

ихъ виновниками холодности къ нему императрицы, и они заранѣе старались предотвратить эту опасность.

О попыткѣ къ примиренію мы узнаемъ изъ перваго письма великой княгини. Орудіемъ Шуваловыхъ въ достиженіи этой цѣли были кн. Трубецкой и И. И. Бецкій.

Характернымъ для Екатерины является та осторожность, съ которой она реагировала на эти шаги къ сближенію. „Я дамъ знать П. (Петру Шувалову), заявила она Трубецкому, о томъ, что вы говорили со мною... Онъ знаетъ мое всегдашнее уваженіе къ вамъ; онъ не преминетъ подумать, что вы подѣйствовали на меня; я этимъ достигну двухъ цѣлей: я окажу услугу вамъ и себѣ“ ¹⁾. Когда же эта попытка была повторена другимъ лицомъ, племянникомъ Трубецкого, Ив. Бецкимъ, то Екатерина Алексѣевна, понявъ, что, съ привлеченіемъ на свою сторону Шуваловыхъ, она будетъ имѣть болѣе данныхъ на успѣхъ при замѣщеніи престола, заявила ему слѣдующее: „я бы желалъ, чтобы... (И. И. Шуваловъ), спрашивая меня и слѣдуя моимъ совѣтамъ, мнѣ помогаль во всемъ, и что... услуги (Шуваловыхъ) обезпечили бы имъ будущее“ ²⁾.

Такой оборотъ дѣла не могъ доставить удовольствія английскому послу. Со сближеніемъ великой княгини съ Шуваловыми, ему пришлось бы отказаться отъ мысли заручиться ея симпатіями въ пользу Пруссіи, и онъ въ своемъ отвѣтѣ не стѣсняется въ выраженіяхъ, чтобы очернить въ глазахъ великой княгини, какъ Шуваловыхъ, такъ и Бецкаго. А затѣмъ добавляетъ: „По дѣлу Бецкаго мой совѣтъ вамъ оставаться спокойнымъ, допускать ихъ къ себѣ, но не давать имъ положительнаго отвѣта“ ³⁾. Въ концѣ же письма онъ старается какъ бы отклонить великую княгиню отъ подозрѣнія, что онъ такъ ратуетъ за нее преимущественно изъ своихъ интересовъ. „Послѣ резолюціи конференціи ⁴⁾, пишетъ онъ, состоявшейся въ пятницу, пріѣздъ французскаго посла къ этому двору не нанесетъ мнѣ никакого вреда, но я всегда боюсь за васъ, и его пріѣздъ—самое пагубное дѣло для васъ. Подумайте надъ этимъ и пришлите мнѣ ваши размышленія, а я вамъ перешлю свои на счетъ способа защищаться отъ удара“ ⁵⁾. Далѣе въ письмѣ отъ 9 августа онъ объясняетъ, почему этотъ пріѣздъ опасенъ для

¹⁾ Переписка, стр. 5.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

³⁾ Тамъ же, стр. 11.

⁴⁾ На этой конференціи, какъ раньше сообщала Уилльямсу Екатерина Алексѣевна, было постановлено обезпечить Ганноверъ.

⁵⁾ Переписка, стр. 13.

великой княгини. „Дѣло о французскомъ посольствѣ, извѣщаетъ онъ, совершенно рѣшено. Во время разговора сегодня утромъ съ моимъ лучшимъ другомъ, котораго я имѣю здѣсь, онъ внезапно воскликнулъ: „ахъ, какъ я жалѣю ихъ императорскія высочества! прїѣздъ посла будетъ ихъ гибелью“... Я очень просилъ его объяснить по этому поводу, но онъ мнѣ сказалъ, что одни слѣпые не видятъ причинъ, а когда Франція и Австрія соединятся, то онѣ распорядятся наслѣдствомъ по своему усмотрѣнію. Въ концѣ концовъ онъ мнѣ сказалъ: „Я знаю, что вы имѣете привязанность къ ихъ высочествамъ, предупредите ихъ въ-время, скажите, чтобъ они уговорили всѣхъ своихъ друзей для отвращенія удара; я знаю эту страну, я видѣлъ всѣ интриги Рабутина и Шетарди... Одни недоброжелатели могутъ предложить или одобрить такой проектъ, пусть она постарается привлечь къ себѣ Ивана Ивановича и наконецъ перевернетъ все вверхъ дномъ, къ тому, чтобы отвратить этотъ ударъ“. Но затѣмъ черезъ три-четыре строки, перейдя къ вопросу, въ которомъ онъ заинтересованъ, какъ англійскій посолъ, къ вопросу о защитѣ Ганновера, онъ обнаруживаетъ и свои личныя опасенія. „Какъ это могли вамъ сказать, спрашиваетъ онъ, что хотѣли обезпечить Ганноверъ. Я знаю ихъ планъ (и это планъ великаго канцлера); онъ заключается въ томъ, чтобъ предложить новые переговоры съ цѣлью ихъ затянуть и выиграть время до прїѣзда французскаго посла къ этому двору, не обѣщая англійскому королю никакой помощи, ни даже добраго расположенія со стороны Россіи. Съ моей стороны, милостивый государь, я такъ убѣжденъ въ вѣрности только что сказаннаго мною, что безусловно необходимо перемѣнить мои батареи. Я прошу у васъ вашихъ знаній, вашихъ совѣтовъ и вашего содѣйствія. Я ихъ прошу у васъ на колѣняхъ. Мнѣ нужны новые друзья. Укажите мнѣ ихъ; и я очень опасаюсь, чтобы и вамъ они не были также нужны, такъ какъ канцлеръ уже въ рукахъ Австріи и Франціи, я очень боюсь, чтобы онъ не пошелъ еще далѣе“¹⁾.

Построивъ въ своемъ воображеніи, подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ Вольфомъ²⁾, картину опасности, будто бы грозящей ему съ прїѣздомъ французскаго посла, Уильямсъ вполне поддается своей фантазіи, какъ будто чему-то дѣйствительному и просто мечется, ища спасенія. Но вотъ онъ вспомнилъ, что Бецкій заявилъ великой княгинѣ отъ имени Шуваловыхъ, какъ она писала, что они будутъ слушаться ея „совѣтовъ во всемъ, что представится“³⁾, и онъ

¹⁾ Переписка, стр. 24.

²⁾ Великобританскій консулъ.

³⁾ Переписка, стр. 14.

пишетъ къ ней: „Скажите мнѣ откровенно, думаете ли вы, что послѣднее посланіе, принесенное вамъ Бецкимъ, достовѣрно, и что Иванъ Ивановичъ дѣйствительно готовъ вамъ доказать, что онъ желаетъ заслужить вашихъ милостей. Если вы полагаете дѣло возможнымъ, велите ему сказать, что въ доказательство своей привязанности онъ помѣшалъ бы прїѣзду французскаго посла, прибавьте, что въ этомъ заключается самое большое сокровенное желаніе великаго князя, и что онъ будетъ очень признателенъ тому, кто ему поможетъ отпарировать этотъ ударъ. Но я предоставляю все вашему сужденію. Умоляю васъ отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе. Отъ васъ одного я ожидаю помощи и утѣшенія“ ¹⁾. И Екатерина, несмотря на то, что была вдвое моложе этого уже потершагося въ общественной жизни и политическихъ сношеніяхъ дипломата, не поддавалась надеждамъ Уилльямса на Шуваловыхъ. Еще ранѣе, сообщая отвѣтъ Шуваловыхъ, она прибавила: „Вотъ слова, сказанныя на вѣтеръ!“ ²⁾ Теперь же она заявила Уилльямсу, что И. И. Шуваловъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ дѣйствіяхъ, „чтобъ отступить, и дать отвѣтъ, что такова воля императрицы, что онъ самъ ничего не можетъ сдѣлать“ ³⁾.

Только въ угоду Уилльямсу она отправила къ И. Шувалову Нарышкина съ предложеннымъ англійскимъ посломъ порученіемъ. И, дѣйствительно, отвѣтъ Шувалова былъ въ предполагаемомъ Екатериной духѣ, что видно изъ ея словъ: „Иванъ Ивановичъ... сказалъ, что уже было слишкомъ поздно, и что если бы онъ зналъ, насколько это не нравилось мнѣ, нога Дугласа ⁴⁾ никогда бы не переступила порога его дома“ ⁵⁾.

Сама Екатерина допускала, что Шуваловы „поступали самымъ искреннимъ образомъ подъ страхомъ болѣзненнаго состоянія императрицы“ ⁶⁾. Дѣйствительно, они, какъ и многіе другіе, предполагали скорый конецъ Елисаветы Петровны. Поэтому, давая обѣщанія женѣ наслѣдника престола, они, можетъ быть, были даже увѣрены, что исполнять ихъ, такъ какъ съ восшествіемъ на престолъ Петра Федоровича, его воля и воля его супруги были бы для нихъ закономъ, если бы они не хотѣли попасть въ опалу.

¹⁾ Переписка, стр. 24—25.

²⁾ Тамъ же, стр. 14.

³⁾ Тамъ же, стр. 27.

⁴⁾ Агентъ французскаго короля въ Петербургѣ.

⁵⁾ Переписка, стр. 37—38.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 27.

Теперь же, когда Елисавета Петровна была еще жива, они не могли дѣйствовать въ разрѣзъ съ обычной своей политикой.

Добившись довѣрія великой княгини, которое явствовало уже изъ того, что она обращалась къ нему за совѣтами, Уилльямсъ все-таки не былъ доволенъ. Ему хотѣлось письменныхъ доказательствъ его значенія въ глазахъ Екатерины. И вотъ онъ, высказывая безпокойство, что великій канцлеръ можетъ подумать, что вниманіе къ нему Екатерины Алексѣвны основывалось на ея склонности къ Понятовскому, пишетъ, послѣ цѣлаго ряда увѣреній въ привязанности, великой княгини: „Прошу васъ дать почувствовать великому канцлеру, что любезности, которыя вы мнѣ оказываете, и покровительство, которое вы проявляете ко мнѣ, будутъ продолжены въ угоду мнѣ, а не въ виду какого-либо иного соображенія“¹⁾. И великая княгиня, снисходя къ его слабости, заявляетъ въ ближайшемъ письмѣ: „Совершенно достоверно, что съ того момента, какъ имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, я испытывалъ къ вамъ уваженіе самое отличное и независимое отъ всякаго другого, такъ какъ послѣднее чувство (къ Понятовскому) возникло лишь 7 мѣсяцевъ спустя“²⁾.

Послѣ этого Уилльямсъ какъ бы оправдывается въ своей мелочности: „Я думаю, пишетъ онъ, что великій канцлеръ могъ почувствовать нѣкоторую ревность ко мнѣ. Я думаю, что онъ чувствуетъ ее еще, такъ какъ вчера онъ прислалъ Вольфа просить меня написать ему записку, въ которой я долженъ былъ сказать, что все совершенное мною въ вашемъ дѣлѣ (здѣсь имѣется въ виду заемъ у англійскаго правительства) исполнено исключительно по его просьбѣ. И, вѣроятно, онъ хочетъ вамъ переслать эту записку“³⁾.

Послѣ вышеприведенныхъ заявленій Екатерины, Уилльямсъ довольно смѣло начинаетъ мечтать о той роли, которую онъ будетъ играть по ея воцареніи: „Когда вы будете на вашемъ мѣстѣ, на этомъ тронѣ, если меня не будетъ здѣсь, я тотчасъ приѣду. Я бы желалъ, чтобы вы просили у моего государя меня въ качествѣ англійскаго министра при васъ..... Я бы желалъ имѣть доступъ къ вамъ и пользоваться вашими часами досуга, такъ какъ я бы всегда предпочелъ Екатерину императрицѣ. Я бы просилъ васъ пожаловать мнѣ голубую ленту, чтобы украситься кускомъ вашей ливреи, и вашъ портретъ, который я бы носилъ всю мою жизнь“...⁴⁾.

Изъ этого мы видимъ, каковы были честолюбивые замыслы

¹⁾ Переписка, стр. 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 70.

³⁾ Тамъ же, стр. 86.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 81.

англійскаго посла. Но онъ заботился не только о своихъ интересахъ, но, какъ мы уже упомянули, и объ интересахъ своего отечества и короля прусскаго. Съ этой цѣлью онъ постарался заинтересовать великую княгиню политикой. Для этого онъ знакомилъ ее съ ходомъ событій въ Западной Европѣ предъ семилѣтней войной, выставляя Фридриха II доброжелателемъ Россіи. Но этимъ не ограничивалось дѣло.

Прививъ Екатеринѣ симпатіи къ Англіи и отчасти къ Пруссіи, онъ пользовался ею для того, чтобы вывѣдать тайную дипломатическую переписку русскаго двора съ враждебными Англіи и Пруссіи государствами. Такъ, въ его письмѣ отъ 22 сентября мы читаемъ: „Канцлеръ общалъ вамъ бумаги касательно г. де-Лопиталья. Если бы вы могли видѣть тѣ инструкціи, которыя даются здѣсь графу Бестужеву, вы бы сдѣлали мнѣ удовольствіе“ ¹⁾. Далѣе, 28 августа Уилльямсъ писалъ: „Онъ (канцлеръ) сказалъ, что послалъ вамъ всѣ переговоры съ Франціей; я надѣюсь и льщу себя, что получу нѣкоторые экстракты изъ нихъ“ ²⁾. И на слѣдующій день Екатерина пересылаетъ ему копіи съ этихъ дѣлъ, что видно изъ слѣдующей фразы: „Вотъ не экстрактъ, но копія еще неоконченная дѣлъ Дугласа, я думалъ, что эти удивительныя бумаги потеряли бы свою прелесть и достоинства, если бы я изъ нихъ дѣлалъ извлеченія“ ³⁾... Кромѣ того, изъ письма Екатерины отъ 21 августа мы видимъ, что она переслала Уилльямсу переводъ донесенія Обрескова, русскаго резидента въ Константинополь, о томъ впечатлѣніи, какое произвело на Порту сообщеніе о договорѣ, заключенномъ между Австріей и Франціей ⁴⁾. Для него же она общаетъ перевестъ документъ по датскому дѣлу ⁵⁾.

Къ числу факторовъ, на которыхъ основывалась дѣятельность Екатерины Алексѣевны въ рассматриваемый періодъ, надо отнести и ея „благосклонность“ къ графу Понятовскому. Его вынужденный отъѣздъ былъ очень не по сердцу великой княгинѣ, и она примѣняла различные способы къ тому, чтобы добиться его возвращенія. На этомъ стремленіи преимущественно и построены ея отношенія къ канцлеру Бестужеву.

Теперь, переходя къ систематическому комбинированію почерпываемаго нами изъ этой переписки, мы считаемъ не лишнимъ предварительно обратить вниманіе на записку Уилльямса отъ 19 августа. Она начинается такими словами: „Только что я получилъ почту изъ Лондона; все, что вы предложили, разрѣшено съ большимъ удо-

¹⁾ Переписка, ст. 169.

²⁾ Тамъ же, стр. 96.

³⁾ Тамъ же, стр. 99.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 63.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 72.

вольствіемъ, и 40.000 руб. находятся въ вашихъ рукахъ и въ вашемъ распоряженіи“¹⁾). Ясно, что великая княгиня получила эту сумму отъ англійскаго правительства. Естественно возникаетъ вопросъ, на какихъ условіяхъ добыла она эти деньги. На это не даетъ намъ отвѣта остальная часть той же записки. Не разъясняетъ это окончательно и слѣдующее за запиской письмо Уилльямса. Въ немъ мы читаемъ: „Я препровождаю къ вамъ два извлеченія писемъ, которыя я получилъ вчера. Сперва его величество разрѣшилъ все, о чемъ вы просили въ вашемъ послѣднемъ секретномъ письмѣ отъ іюля“. Далѣе слѣдуютъ извлеченія изъ лондонскихъ депешъ, но для насъ интересно только первое изъ нихъ. „Вы вручите деньги ея императорскому высочеству, писали Уилльямсу изъ Англии, и взаменъ получите отъ нея обязательство сообразно съ тѣмъ, что она вамъ предложила. И вмѣстѣ съ тѣмъ король вамъ приказываетъ сказать великой княгинѣ, насколько онъ чувствителенъ ко всѣмъ свидѣтельствамъ дружбы, которыя онъ получаетъ отъ ея императорскаго высочества, и вы должны ее увѣрить отъ имени короля въ томъ, что онъ готовъ и всегда будетъ склоненъ ей давать доказательства своего довѣрія и своей привязанности“²⁾). Мы узнаемъ отсюда только то, что какая-то просьба великой княгини къ англійскому королю, съ которой связана присылка денегъ, была отправлена чрезъ Уилльямса незадолго до начала переписки.

Могущія возникнуть по этому случаю подозрѣнія относительно Екатерины Алексѣевны разсѣиваются, если мы обратимъ вниманіе на конецъ письма Уилльямса отъ 23 августа, гдѣ онъ говоритъ: „Вотъ образецъ росписки. Требуется прибавить число: „я получила изъ рукъ британскаго посла сумму въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которую я обѣщаюсь возратить его величеству великобританскому королю, когда онъ ея отъ меня потребуетъ. Е.“³⁾).

Словомъ, Екатерина Алексѣевна получила указанную сумму займа. Въ подтвержденіе этого вывода можно сослаться на Бильбасова, который говоритъ, что Екатерина Алексѣевна, обрусѣвшая даже въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, часто нуждалась въ деньгахъ, несмотря на то, что ежегодно получала 30.000 рублей карманныхъ денегъ и прибѣгала къ займамъ, которые покрывала случайными денежными подарками⁴⁾). Онъ также указываетъ, что великая княгиня брала деньги займа и у англійскаго правительства, ссылаясь

¹⁾ Переписка, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 56—57.

³⁾ Тамъ же, стр. 81.

⁴⁾ При рожденіи Павла Петровича она получила 100 тыс. руб.

на росписки, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ. Изъ переписки мы также видимъ, что великая княгиня собиралась чрезъ гетмана Разумовскаго взять денегъ взаймы у его брата, „но ложный стыдъ, какъ она сама заявила, взялъ верхъ, и о немъ (о займѣ) не было рѣчи“ ¹⁾.

Эта нужда въ деньгахъ, вѣроятно, также была одной изъ причинъ сближенія великой княгини съ англійскимъ посломъ.

Мы уже говорили о попыткѣ Шуваловыхъ къ примиренію съ великой княгиней и о томъ, какъ она отнеслась къ ней. Въ томъ же письмѣ, въ которомъ говорилось объ этомъ, великая княгиня сообщаетъ, что нѣкій Г., любимецъ П., т. е., какъ мы узнали изъ дальнѣйшей переписки, Глѣбовъ, любимецъ П. Шувалова, приславши ей обратно два письма ея къ его женѣ, присоединилъ къ этому записку, въ которой распространялся о своей привязанности къ великой княгинѣ, заявивъ, что всякій злой замыселъ Петра Шувалова не только не найдетъ въ немъ пособника, но послужитъ доказательствомъ его преданности ²⁾. Если мы прибавимъ къ этому выдержку изъ ея письма отъ 21 августа, то предъ нами откроется та картина интриги, которая окружала великую княгиню во время болѣзни императрицы. „Пріятель Глѣбова, сообщаетъ Екатерина Уилльямсу, прислалъ того же самаго человѣчка, который служитъ у перваго, но который весь преданъ мнѣ, настоятельно проситъ меня не видѣться съ Глѣбовымъ; этотъ человѣчекъ, по словамъ пріятеля послѣдняго, открылъ весь заговоръ, придуманный Шуваловымъ, къ которымъ онъ присоединилъ Апраксина, для того, чтобы Глѣбовъ вступилъ ко мнѣ въ милость. Онъ говоритъ, что они не пощадятъ ни денегъ, ни труда для успѣха этого дѣла и что если Глѣбовъ не подцѣпитъ меня (ne m'assoghe pas), они выберутъ другого, такъ какъ, будучи увѣрены въ великомъ князѣ и никогда не успѣвъ привлечь на свою сторону Салтыкова, ни въ настоящее время Нарышкина (гетманъ говорилъ, какое заблужденіе), они хотѣли ввести ко мнѣ кого-нибудь имъ преданнаго, не для того, чтобы властвовать черезъ меня, но меня этимъ погубить“ ³⁾.

Не имѣя возможности провѣрить, насколько соответствовали истинѣ сообщенія „человѣчка“, о которыхъ упоминаетъ Екатерина Алексѣевна, мы не можемъ не замѣтить, что придворные, какъ видно изъ выдержки, были далеко не высокаго мнѣнія о нравственности великой княгини, если Шуваловы думали, что она будетъ

¹⁾ Переписка, стр. 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 7.

³⁾ Тамъ же, стр. 64.

благосклонна ко всякому вхожему въ ея покои красивому мужчинѣ. Впрочемъ, и сама великая княгиня была далеко не щепетильна, если не обошла въ своемъ письмѣ молчаніемъ, что Глѣбова прочать на ту же роль при ней, которую игралъ Салтыковъ и, какъ полагали, Нарышкинъ, что, впрочемъ, Екатерина опровергаетъ словами: „какая ошибка“!

Но и послѣ выясненія причины домогательствъ Глѣбова, мы не разъ встрѣчаемъ въ перепискѣ замѣчаніе, что Петръ Шуваловъ ищетъ случая переговорить съ великой княгиней, и въ письмѣ отъ 31 августа Екатерина Алексѣевна описываетъ самое свиданіе, на которомъ онъ высказывалъ увѣренія въ преданности, на что великая княгиня отвѣтила: „Мое благоволеніе не питается словами, но что я желаю дѣйствій несомнительныхъ для того, чтобы дать мою дружбу, но взаимъ и я, когда хочу, служу вѣрно сообразно заслугамъ, и если вы намѣрены, какъ вы это утверждаете мнѣ, быть моимъ другомъ, то вы не раскаетесь въ томъ, насколько, по крайней мѣрѣ, это зависитъ отъ меня. Первымъ доказательствомъ этого служить то, что я не хочу, чтобъ отняли вашего брата у насъ“¹⁾. Въ послѣдней фразѣ имѣется въ виду Александръ Шуваловъ, гофмаршалъ велико-княжескаго двора, котораго, какъ сообщалъ по слухамъ Уилльямсъ, императрица думала замѣнить Чернышовымъ. Англійскій посолъ совѣтовалъ великой княгинѣ противодѣйствовать этому, такъ какъ „новые шпіоны спѣшатъ всегда чѣмъ-нибудь заслужить (поощренія) въ своемъ безстыдномъ промыслѣ, и предпочтительнѣе продолжать быть немного стѣсненнымъ, чѣмъ подвергнуться перемѣнѣ, не будучи увѣренъ въ улучшеніи своего положенія“²⁾..

Разбрасываясь въ своемъ стремленіи обезвредить на будущее время великую княгиню, Шуваловы были постоянны въ своей внѣшней политикѣ. Ближайшей ихъ цѣлью было возобновленіе дружескихъ сношеній Россіи съ Франціей. Хотя этотъ союзъ не соотвѣтствовалъ симпатіямъ великаго князя, явнаго поклонника Фридриха II, они не отказывались отъ осуществленія его. Какъ видно изъ переписки, Петръ Федоровичъ долго не соглашался подписать докладъ о необходимости обмѣна послами, и Шуваловы обратились къ великой княгинѣ съ просьбой убѣдить его не упрямиться. Но Екатерина, получивши передъ тѣмъ отъ Уилльямса предупрежденіе съ брошеннымъ какъ бы вскользь: „Вы не всегда бы должны угождать людямъ, которые ничего не дѣлаютъ для

¹⁾ Переписка, стр. 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 52.

вась“¹⁾, совѣтовала великому князю стоять на своемъ. Хотя Петръ Ѳедоровичъ въ концѣ-концовъ сдался, но то, что Шуваловы и ихъ сторонники обращались за содѣйствіемъ къ Екатеринѣ, подбивало ее не только изъ своихъ покоевъ интересоваться политической жизнью, но даже играть въ ней роль, къ чему пытался привлечь ее Уилльямсъ, имѣя въ виду, конечно, что ея дѣятельность будетъ благопріятна для него. Послѣдній, замѣтивши въ своемъ письмѣ къ великой княгинѣ, что въ отвѣтѣ на посольство Нарышкина онъ видитъ, что Иванъ Шуваловъ уже поколебался въ своихъ французскихъ симпатіяхъ, и совѣтуя Екатеринѣ Алексѣевнѣ идти той же дорогой и поставить Шувалову на видъ, что ея расположеніе онъ можетъ пріобрѣсть только въ томъ случаѣ, если уменьшить свое усердіе къ Франціи, онъ добавляетъ: „Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, вы не знаете своихъ собственныхъ силъ, такъ какъ изъ послѣднихъ придворныхъ интригъ, по случаю отказа великаго князя въ своей подписи, явствуется, что вы имѣете большое значеніе“²⁾.

Послѣ нѣкотораго перерыва попытки къ сближенію опять возобновились, но уже первый шагъ къ этому сдѣлала великая княгиня, побуждаемая Уилльямсомъ. Она завела разговоръ съ Александромъ Шуваловымъ и, воспользовавшись тѣмъ, что тотъ обвинялъ въ козняхъ противъ нея какъ бы канцлера, написала Ивану Ивановичу записку, въ которой заявляла, что порываетъ связь съ Бестужевымъ и готова принять услуги Шуваловыхъ“³⁾. Затѣмъ, какъ бы въ видѣ испытанія вѣрности Шуваловыхъ, она поручаетъ имъ помѣшать отъѣзду гетмана⁴⁾. Когда же она намѣревалась просить ихъ отказаться отъ возобновленія дипломатическихъ сношеній съ Франціей и послала проектируемую записку къ Ивану Шувалову на разсмотрѣніе Уилльямса, то тотъ, забывая, что самъ же натолкнулъ великую княгиню на примиреніе съ Шуваловыми, заявилъ: „я вполне убѣжденъ, что эти люди никогда не окажутъ вамъ никакой существенной услуги“⁵⁾.

Дѣятельность Екатерины, какъ мы видѣли изъ равьше сдѣланныхъ нами выдержекъ, сосредоточивалась въ разсматриваемый нами періодъ на стремленіи удержать за собой или, вѣрнѣе, за Петромъ Ѳедоровичемъ императорскій престолъ послѣ смерти Елисаветы Петровны. Хотя великая княгиня, когда дѣло касалось

¹⁾ Переписка, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 43.

³⁾ Тамъ же, стр. 269.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 273.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 285.

престолонаслѣдія, не упоминала о Петрѣ Ѳедоровичѣ, но изъ этого ни въ коемъ случаѣ нельзя заключить, что она уже тогда имѣла въ виду отстранить его отъ управленія государствомъ. Заботясь самолично о предотвращеніи обстоятельствъ, которыя бы препятствовали Петру Ѳедоровичу занять престолъ, она имѣла въ виду интересы великокняжескаго двора. Она не могла разсчитывать, чтобы Петръ Ѳедоровичъ могъ самъ защищать свое право на престолъ, и потому была насторожѣ, чтобы онъ не былъ обойденъ. Не упоминала же она о немъ потому, что была увѣрена, что онъ, тяготясь какимъ бы то ни было дѣломъ, будетъ императоромъ только по имени; фактической же правительницей будетъ она. Эту увѣренность поддерживалъ въ ней и Уилльямсъ, заявивъ, какъ мы уже упоминали, что для Петра Ѳедоровича достаточно завѣдыванія военными дѣлами страны. Кромѣ того, великій князь въ то время еще не проявлялъ недоброжелательства къ своей супругѣ, что начало обнаруживаться только съ 1758 г., со времени слѣдствія надъ Апраксинымъ и Бестужевымъ, и поэтому у нея не было повода считать его опаснымъ для себя. Она надѣялась, надо полагать, что съ его воцареніемъ власть перейдетъ къ ней по праву опекуна надъ неспособнымъ мужемъ и даже безъ всякаго противодѣйствія съ его стороны. Поэтому, вѣрнѣе сказать, что она охраняла не семейные интересы, а свои личные.

Какъ мы уже раньше видѣли изъ переписки, великой княгиней былъ составленъ планъ дѣйствій на случай смерти Елисаветы Петровны. Для выполненія его она привлекла на свою сторону нѣсколькихъ офицеровъ гвардіи и была даже увѣрена, что каждый изъ нихъ приведетъ въ случаѣ нужды полсотни солдатъ. Но этимъ не ограничились ея приготовленія къ пресѣченію могущаго обнаружиться заговора противъ наслѣдника престола. •

Когда до нея дошли слухи, что малороссійскаго гетмана, гр. Кирилла Разумовскаго, предполагаютъ послать въ Украину, она заявила, что устроить такъ, „чтобъ говорили противъ этого предположенія“¹⁾. Ей было желательно удержать гетмана, какъ своего сторонника, въ Петербургѣ на случай смерти императрицы, такъ какъ онъ былъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ. За это предположеніе говоритъ то, что Екатерина Алексѣевна справлялась у него, „ручается ли онъ за свой полкъ въ случаѣ необходимости“²⁾. Ему же она поручаетъ привлечь на ея сторону новыхъ лицъ. Такъ, изъ ея письма отъ 18 августа мы видимъ,

¹⁾ Переписка, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 49.

что на свиданіи съ гетманомъ она просила его сказать князю Трубецкому, что такъ какъ онъ изъявилъ желаніе заслужить ея довѣріе, то пусть въ доказательство своего намѣренія не только предупреждаетъ ее о всемъ, что происходитъ въ конференціяхъ, но также и воспротивится всѣми возможными способами всякой связи съ Франціей. Гетманъ долженъ былъ и Бутурлину предложить противиться мѣропріятіямъ французской партіи¹⁾. Оба эти порученія были сдѣланы подъ вліяніемъ Уилльямса. Еще въ письмѣ отъ 10 августа онъ говорилъ: Князь Трубецкой, какъ мнѣ сказали, къ вамъ искренно привязанъ. Онъ членъ конференціи, и ваше приказаніе, данное гетману, сообщать въ точности все, что тамъ дѣлается, будетъ исполнено непосредственно Трубецкимъ. Это дастъ вамъ возможность слѣдить за всѣмъ, что происходитъ тамъ, и это, по-моему, вамъ было бы очень полезно“²⁾. Во время этого свиданія великая княгиня не забыла и своихъ ближайшихъ интересовъ. Тогда же она и справилась у гетмана относительно симпатій его полка и спросила, защитятъ ли ее гвардейцы на случай заговора Шуваловыхъ. Во время того же свиданія она просила, чтобы братъ гетмана, Алексѣй Разумовскій, „въ случаѣ предсмертной агоніи“ взялъ на себя охрану Павла Петровича и чтобы самъ гетманъ сошелся съ канцлеромъ, какъ съ искреннѣйшимъ ея приверженцемъ. Словомъ, Екатерина считала полезнымъ для себя присутствіе гетмана въ Петербургѣ, и поэтому, когда въ письмѣ отъ 30 августа Уилльямсъ сообщилъ ей, что императрица сказала Алексѣю Разумовскому³⁾, что обстоятельства требовали отъѣзда его брата въ Украйну, и самъ гетманъ подтвердилъ это, то она настоятельно приступила къ великому канцлеру съ требованіемъ, чтобы онъ препятствовалъ этому отъѣзду, что тотъ и обѣщаль, и даже убѣдила великаго князя не подписывать докладъ объ отъѣздѣ Разумовскаго, если будутъ этого требовать⁴⁾.

Что касается отношеній великой княгини къ канцлеру, то взаимное расположеніе, начавшееся еще съ 1752 г., продолжало сохраняться между ними и въ рассматриваемый періодъ. Это уже видно изъ того, что канцлеръ доводилъ до свѣдѣнія Екатерины рѣшенія конференціи по интересующимъ ее дѣламъ, присылалъ ей даже тайныя дипломатическія бумаги. Словомъ, онъ пользовался

¹⁾ Переписка, стр. 49.

²⁾ Тамъ же, стр. 32—33.

³⁾ Тамъ же, стр. 105.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 120.

разными случаями, чтобы заручиться ея довѣріемъ и имѣть въ ней поддержку противъ враждебной ему французской партіи, а также, чтобы обезпечить себѣ на случай вступленія на престолъ Петра Ѳедоровича, свою важную роль въ государственномъ механизмѣ. Въ лицѣ канцлера Екатерина видѣла дѣятельнаго пособника въ противодѣйствіи неблагопріятнымъ для нея планамъ французской партіи. На это указываетъ ея отвѣтъ на предложеніе Уилльямса замѣнить канцлера Шуваловыми. „Малое расположеніе, писала она, которое питаетъ канцлеръ къ Эстергази, вредъ, который послѣдній старается нанести ему, его гордый нравъ, его талантъ, его желаніе должностей, денегъ, почестей, служатъ препятствіями къ тому, чтобъ я могъ полагать его связаннымъ, или въ рукахъ Франціи или Австріи за Францію. Я предоставляю вамъ рѣшить, можно ли его заподозрить въ этомъ, и обвиненіе его въ томъ, что великій князь не подписался по его винѣ, не служитъ къ этому доказательствомъ, почему я не нуждаюсь въ новыхъ друзьяхъ“ ¹⁾.

Въ разсматриваемый же періодъ великая княгиня старается добиться чрезъ канцлера возвращенія Понятовскаго и уже въ письмѣ отъ 4 сентября сообщаетъ Уилльямсу, что отправила канцлеру записку съ просьбой побудить польское правительство, чтобы оно назначило гр. Понятовскаго посломъ при русскомъ дворѣ ²⁾. Но еще до этого, какъ видно изъ письма Уилльямса отъ 6 сентября, Екатерина Алексѣвна посвятила канцлера въ тайну переписки съ Понятовскимъ и даже поручала ему пересылать свои письма въ Польшу. Но Бестужевъ завидовалъ, какъ подозрѣвалъ англійскій посоль, бывшему положенію Понятовскаго при маломъ дворѣ и былъ очень радъ его отъѣзду, надѣясь, что со временемъ страсть великой княгини уляжется, и ему удастся пріобрѣсть безраздѣльное вліяніе на нее. Поэтому, переславъ Понятовскому одно письмо Екатерины, онъ отказывался подъ разными предлогами отъ посылки другихъ и даже совѣтовалъ Уилльямсу дать Понятовскому знать, что онъ не можетъ рассчитывать на возвращеніе въ Россію ³⁾. Но англійскій посоль въ слѣдующемъ же письмѣ совѣтуетъ великой княгинѣ „понукавъ“ канцлера, заявляя, что возвращеніе Понятовскаго только тогда будетъ безопасно для него, когда оно будетъ устроено самимъ канцлеромъ ⁴⁾. И Екатерина готова была испробовать всѣ способы вплоть до личнаго пріѣзда съ требованіемъ въ домъ канцлера,

¹⁾ Переписка, стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 120.

³⁾ Тамъ же, стр. 125.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 130.

лишь бы добиться своего. „Если у меня останется только этот способ, писала она Уилльямсу, я отъ него ожидаю многого, такъ какъ, хотя я хорошо знаю, что онъ любить только одного себя, но я все-таки считаю себя, послѣ денегъ однако, одной изъ вещей, которыя производятъ болѣе всего впечатлѣній на него и у него ¹⁾“.

Въ письмѣ отъ 14 сентября она предполагала даже предложить Бестужеву деньги, если онъ устроить такъ, чтобы Понятовскій возвратился къ Рождеству. Въ приложенной же къ этому письму запискѣ къ канцлеру отъ 11 сентября она категорически заявляетъ: „Хотите ли вы обязаться въ томъ, что графъ Понятовскій вернется сюда на Рождество, такъ какъ его возвращеніе вашими заботами есть цѣна, которую я ставлю за мою дружбу въ настоящемъ и за мое покровительство въ будущемъ?“ ²⁾ Точнѣе, она приписываетъ къ своей запискѣ фразу, дѣйствию которой Уилльямсъ совѣтовалъ ей испробовать на канцлерѣ ³⁾.

И несмотря на то, что канцлеръ былъ далеко не податливъ, несмотря на неблагопріятные о немъ отзывы Уилльямса, великая княгиня все-таки была увѣрена въ его преданности. „Пусть говорятъ, что хотятъ, отзывается она о канцлерѣ, но онъ любить меня, насколько этотъ человѣкъ можетъ любить“ ⁴⁾. И, дѣйствительно, тонъ записки произвелъ свое дѣйствию на канцлера. Онъ увидѣлъ, что его надежды на то, что отсутствіе Понятовскаго ослабитъ чувства великой княгини къ нему, не оправдываются, и чтобы не вооружить ея противъ себя, онъ рѣшается рекомендовать гр. Понятовскаго польскому министру Брюлю въ качествѣ желательнаго представителя польскаго короля въ Петербургѣ. Объ этомъ шагѣ Бестужева мы узнаемъ изъ переведенной Екатериной копии письма канцлера къ Брюлю ⁵⁾.

Денеша канцлера возымѣла свое дѣйствию. Уже въ запискѣ отъ 7 ноября великая княгиня говоритъ, что Бестужевъ прислалъ ей письмо Брюля, гдѣ объявлялось, что Понятовскій выѣдетъ изъ Варшавы черезъ десять-одиннадцать дней. Въ Петербургѣ же онъ пріѣхалъ между 21 и 23 декабря, такъ какъ въ утренней запискѣ отъ 21 декабря великая княгиня писала ⁶⁾: „Я возвратилась вчера

¹⁾ Переписка, стр. 146.

²⁾ Тамъ же, стр. 161.

³⁾ Смотр. стр. 144.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 163.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 173.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 304.

вечеромъ, но гр. Понятовскій еще не вернулся“. А утромъ 24 декабря она уже сообщала Уилльямсу о приѣздѣ графа ¹⁾).

Такимъ образомъ, Екатерина Алексѣевна добила желаннаго. Желѣзный человекъ, какъ она называла великаго канцлера, не отважился отказаться отъ удовлетворенія ея рѣшительнаго требованія. Ему нужно было сохранить расположеніе великой княгини, и потому другого исхода не было. Но онъ все-таки пользовался разными предлогами, чтобы отдалить приѣздъ Понятовскаго. Пребываніе послѣдняго въ Петербургѣ было нежелательно для него не только потому, что онъ боялся усиленія чрезъ это вліянія на великую княгиню Уилльямса, но и потому, что оно могло быть опасно для самой Екатерины. Его беспокоило то, что великая княгиня, въ случаѣ неосторожности въ сношеніяхъ съ Понятовскимъ, можетъ повредить себѣ во мнѣніи императрицы, не особенно благоволившей въ то время къ женѣ своего племянника.

Уилльямсъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы повредить канцлеру въ глазахъ великой княгини. Сваливая на Бестужева вину въ томъ, что ему не удавалось добиться гарантіи Ганновера, онъ припоминаетъ чуть ли не всю дѣятельность канцлера за разсматриваемый періодъ и заявляетъ Екатеринѣ: „Все пойдетъ по фантазіи канцлера. Сперва уѣдетъ гетманъ, я вынужденъ просить о своемъ собственномъ отозваніи изъ опасенія, чтобъ оно не было испрошено императрицей, а Понятовскому не будетъ дозволено остаться здѣсь, развѣ только на время, необходимое для того, чтобы сдѣлать ему комплиментъ, и даже онъ будетъ подвергнутъ присмотру до такой степени за время своего пребыванія здѣсь, что я совѣтую вамъ, какъ вашъ лучшій другъ, не думать видѣть его, но ждать съ терпѣніемъ болѣе счастливыхъ временъ. Вотъ, милостивый государь, предательства этого человека, которому вы такъ довѣрились, но его предательству нѣтъ конца. Ваша честь, безопасность ваша собственная и вашихъ друзей совокупно вопіютъ о томъ, чтобы вы порвали съ нимъ. Примите сейчасъ мѣры къ тому, посоветуйтесь съ Александромъ Шуваловымъ. Скажите ему, что вы передаетесь всецѣло въ руки его и Ивана Ивановича съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣлъ ничего общаго съ великимъ канцлеромъ, объявляя, что онъ слишкомъ васъ обидѣлъ и вамъ измѣнилъ, чтобы вы могли когда-нибудь еще довѣриться ему“ ²⁾).

Это внушеніе Уилльямса какъ бы подѣйствовало на великую

¹⁾ Переписка, стр. 307.

²⁾ Тамъ же, стр. 259.

княгиню, и она пишетъ записку Ивану Ивановичу Шувалову: „Александръ Ивановичъ сказалъ мнѣ: „вы приписываете намъ все зло, которое дѣлается; это однако не мы, но тотъ, котораго вы считаете вашимъ лучшимъ другомъ, который вамъ его причинялъ и который продолжаетъ причинять“. Онъ прибавилъ: „вы увидите со временемъ, что это мы вамъ вѣрны, а не они“. Я основываюсь на этихъ словахъ, и вы увидите, что я искрененъ, въ виду слѣдующаго довѣрительнаго сообщенія. Онъ безошибочно говоритъ о канцлерѣ... Я смотрѣлъ на него въ теченіе четырехъ лѣтъ, вовсе не помня его прежнихъ обидъ, но съ довѣріемъ и всею дружбой, на которую я способенъ. Онъ мнѣ отплатилъ только надувательствами и даже предательствами. Я могъ бы вамъ насчитать ихъ двадцать. Вслѣдствіе одного (предательства) я оставляю его и бросаю въ ваши объятія. Не имѣйте ничего общаго съ нимъ, если вы хотите имѣть меня вполне вашимъ. Я требую отъ васъ всего для настоящаго и общаю вамъ все для будущаго“¹⁾.

Но внушаемое англійскимъ посломъ недоброжелательство къ канцлеру не могло вкорениться въ умъ великой княгини. Ведя переговоры съ Шуваловыми, она въ то же время продолжала сношенія съ канцлеромъ, настаивая, чтобы онъ поспѣшилъ съ дѣломъ о возвращеніи Понятовскаго, и въ концѣ концовъ пишетъ Уилльямсу: „Дѣйствительно по моему приказанію Бернарди²⁾ говорилъ съ вами отъ моего имени въ пользу канцлера. Какой бы онъ ни былъ, это—человѣкъ, мнѣ привязанный, единственный съ головою, котораго я имѣю, единственный, который могъ бы быть мнѣ полезенъ. Думаете ли вы быть въ выигрышѣ, потерявъ его? Шуваловы, менѣе ловкіе, точно также злые, равно плутоватые, съ гораздо большимъ нерасположеніемъ ко мнѣ, расплатились бы съ вами только новыми предательствами. Замѣнить ли его (канцлера) негодный вице-канцлеръ? Познайте это. Онъ очень недостойнъ вашего уваженія и нравится вамъ только по своему лицемѣрію, которымъ онъ умѣетъ прикрывать свой настоящій характеръ. Наконецъ, если вы погубите канцлера, моя гибель неизбежна. Онъ врагъ Пруссіи, но онъ не врагъ Англіи. Я знаю изъ разныхъ сторонъ и между прочимъ отъ графа Понятовскаго, что онъ поддерживаетъ при всѣхъ случаяхъ и говоритъ совершенно ясно во всѣхъ дворахъ, что необходимо, чтобы Россія оставалась другомъ Англіи. Ваши таланты могутъ вызвать въ немъ зависть, онъ можетъ васъ не

¹⁾ Переписка, стр. 269.

²⁾ Венеціанскій ювелиръ, служившій посредникомъ между Бестужевымъ, Уилльямсомъ и великой княгиней.

любить, но будьте увѣрены, что онъ менѣе всего врагъ вашего отечества“¹⁾).

Горяиновъ, говоря о канцлерѣ, называетъ его „плутоватымъ и корыстнымъ“²⁾. Первый эпитетъ можетъ быть допущенъ, если его понимать въ томъ смыслѣ, что Бестужевъ былъ изворотливъ, не всегда держался прямого пути въ достиженіи своихъ цѣлей, пускалъ въ дѣйствіе нѣкоторую хитрость, хотя бы, напр., въ дѣлѣ о Понятовскомъ. Слово же „корыстный“, примененное къ кому-либо, можетъ возбудить у насъ мысль, что данное лицо за деньги, посланныя ему, можетъ обдѣлать что угодно, совершенно не считаясь съ нравственными нормами. Бестужевъ, конечно, не былъ безребренникомъ, на что указываетъ сообщеніе Уилльямса, что онъ просилъ его исходатайствовать ему у англійскаго короля пенсію и даже пользовался этой пенсіей. Конечно, пенсія, получаемая сановникомъ отъ чужого правительства, есть не что иное, какъ подкупъ. Но Бестужевъ вообще не былъ податливъ на подкупы. Самъ Уилльямсъ, взглядомъ котораго на канцлера, вѣроятно, воспользовался Горяиновъ, заявляетъ въ письмѣ отъ 10 августа, что онъ убѣждалъ Бестужева допустить прусскаго посла въ Петербургъ, но послѣдній отказался, несмотря на тѣ убѣдительныя средства, которыми англійскій посолъ старался склонить его. Сообщая объ этомъ великой княгинѣ, Уилльямсъ пишетъ: „Лапы были бы хорошо смазаны. Но какая-то высшая сила его задерживаетъ. Вотъ тайна, такъ какъ мои предложенія были значительны“³⁾. На первый взглядъ, дѣйствительно, покажется страннымъ, что въ одномъ случаѣ канцлеръ даже самъ попросилъ пенсію отъ англійскаго короля, въ другомъ же — отказался отъ денегъ, исходящихъ отъ прусскаго правительства. Надо полагать, что тутъ большую роль играло то, откуда исходили деньги. Канцлеръ имѣлъ свои твердо установившіеся взгляды на то, что полезно или вредно для Россіи въ области внѣшней политики. Добрыя отношенія съ Англіей, по его мнѣнію, можно было поддерживать безъ всякаго вреда для русскаго государства. Въ этой области онъ считалъ возможнымъ что-либо сдѣлать, не поступаясь своими убѣжденіями. Поэтому англійскую пенсію онъ считалъ какъ бы жалованіемъ за службу на обоюдную пользу Англій и Россіи. Денегъ же отъ прусскаго короля онъ не принималъ, такъ какъ онѣ обязывали бы его дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Россіи. На это могутъ возразить, что

¹⁾ Переписка, стр. 318.

²⁾ Тамъ же, предисловіе, стр. XIX.

³⁾ Тамъ же, стр. 33.

можетъ быть онъ былъ недоволенъ размѣромъ предлагаемой суммы. Если бы это такъ, то, вѣроятно, онъ какъ-нибудь намекнулъ бы объ этомъ Уилльямсу, и тотъ, безъ сомнѣнія, успѣшилъ бы увеличить ее. Но такого намека не было. Иначе Уилльямсъ не упустилъ бы лишняго случая распространиться о жадности канцлера къ деньгамъ въ письмѣ къ великой княгинѣ, чтобы очернить соперника. Могутъ также указать на то, что канцлеръ не сдѣлалъ за этотъ періодъ ничего конкретнаго и для Англiи, отъ которой онъ получалъ пенсію. Но это случилось не потому, что онъ не желалъ добра Англiи, но потому, что встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны французской партіи, которая получила надъ нимъ перевѣсъ, благодаря оплошности его по дѣлу о русско-англійскомъ союзѣ. Какъ извѣстно, въ то время, когда Бестужевъ настаивалъ на ратификаціи англо-русскаго субсидійнаго договора, получено было извѣстіе о заключеніи англо-прусскаго союза, и благодаря этому обаяніе его необычайнаго искусства въ дипломатіи и предусмотрительности исчезло, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упалъ во мнѣніи императрицы ¹⁾. Но знаменитый канцлеръ, какъ мы видимъ изъ переписки, продолжалъ еще ратовать за добрыя отношенія къ Англiи и не разъ сообщалъ великой княгинѣ и Уилльямсу, что на конференціи чуть ли не рѣшили гарантировать Ганноверъ, что, какъ мы знаемъ, мѣшало окончательному закрѣпленію субсидійнаго договора ²⁾.

Въ своемъ сужденіи о Бестужевѣ мы пользовались данными переписки. Но къ выводу, еще болѣе благопріятному для Бестужева, пришелъ и Бильбасовъ, который, какъ мы уже упоминали, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи переписки Екатерины съ Уилльямсомъ. Для сличенія приведу главнѣйшія мѣста изъ его характеристики великаго канцлера. „Онъ одинъ изъ всей..... толпы“ подобострастныхъ и низкопоклонныхъ сановниковъ, говоритъ Бильбасовъ, „достигъ своего высокаго положенія личнымъ усиленнымъ трудомъ, полученнымъ имъ образованіемъ и честною службою родинѣ.....; одинъ онъ, не кривя душою, смѣло высказывалъ свои мнѣнія и Петру I и его дочери Елисаветѣ Петровнѣ; одинъ онъ имѣлъ право, предъ смертью, начертать свой девизъ: *semper idem*. У него были недостатки, были и пороки—онъ былъ сыномъ вѣка..... Онъ не любилъ обманывать—предпочиталъ сказываться больнымъ, отмалчиваться; но и его трудно было обойти или обмануть..... По словамъ его личнаго врага, прусскаго короля Фридриха II, Бестужевъ-Рюминъ „былъ до такой степени продаженъ, что продалъ бы самую

¹⁾ Соловьевъ „Исторія Россiи“, т. 24, стр. 901.

²⁾ Переписка, стр. 7 и 12.

Императрицу, если бы нашлось у кого довольно денег, чтобы заплатить ему за нее". Фридриху II, безъ сомнѣнія, было бы очень на-руку, если бы это была правда — онъ первый подкупилъ бы Бестужева-Рюмина. Онъ этого и домогался всѣми мѣрами, но безуспѣшно: онъ опредѣлялъ на подкупъ русскаго канцлера большія суммы, готовъ былъ даже выплатить ту сумму, „какая потребуется“ — ничто не удалось. Екатерина II..... утверждаетъ положительно, что онъ былъ неподкупенъ: *jamaïs on ne le gagna par argent*. Въ 1747 г., очень нуждаясь въ деньгахъ, онъ занялъ у англійскаго консула 50.000 р. подъ залогъ своего дома, хотя, конечно, англійское правительство, нуждающееся въ 30.000 русскомъ корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи, готово было бы употребить даже большую сумму на „подкупъ“ канцлера“¹⁾.

Безъ сомнѣнія, г. Бильбасовъ почти идеализируетъ великаго канцлера вопреки чуть-ли не общему убѣжденію въ продажности этого лица. Данные же переписки позволяютъ намъ видѣть въ Бестужевѣ хотя и не безупречнаго человѣка, но и не настолько корыстолюбиваго, чтобы ради своихъ личныхъ выгодъ сознательно жертвовать интересами отечества.

Возвращаясь опять къ великой княгинѣ, мы постараемся выяснитъ тѣ чувства, которыя она питала къ различнымъ государствамъ.

Прежде всего остановимся на Англии. Тутъ не надо забывать, что съ этими чувствами мы знакомимся по ея письмамъ къ англичанину, который исходатайствовалъ ей у своего короля значительную сумму займа. Узнавъ о томъ, что уже прислана Уилльямсу просимая ею сумма, она пишетъ ему: „Я болѣе тронута знаками довѣрія короля, вашего государя, чѣмъ всякими другими любезностями. Его довѣріе мнѣ льститъ, я надѣсь его заслужить и съ достовѣрностью поддержку мнѣніе его величества. Вы знаете, что все, что я дѣлаю, основано на убѣжденіи, въ которомъ я нахожусь, что въ этомъ заключается благо Россіи“²⁾. Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 23 августа Уилльямсъ спѣшитъ подтвердить правильность ея сужденія. „Я заявляю вамъ....., пишетъ онъ, что по моему убѣжденію, все, что вы ни дѣлаете, клонится къ дѣйствительной выгодѣ Россіи. Ея союзъ съ Англійей существуетъ безъ перерыва со времени Ивана Васильевича. Я думаю, какъ вы, что нашъ союзъ — самый естественный для нашихъ обоихъ отечествъ и если мы въ этомъ ошибаемся, то заблуждаемся, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ

1) Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 67—71.

2) Переписка, стр. 63.

Петромъ Великимъ“¹⁾. Далѣе, въ письмѣ за № 60 Екатерина заявляетъ: „Я смотрю на англійскую націю, какъ на ту, союзъ съ которой самый естественный и самый полезный для Россіи, и эта идея укрѣпилась во мнѣ воспоминаніемъ о личныхъ обязательствахъ, по которымъ я должна и по которымъ я всегда хотѣла бы быть должной англійскому королю, такъ какъ я истинно привязана къ нему“²⁾. Надо замѣтить, что это—предпоследнее по времени изъ писемъ Екатерины къ Уилльямсу, напечатанныхъ въ перепискѣ. Предъ этимъ же, въ маѣ, она просила англійскаго посла, чтобы онъ опять досталъ ей денегъ. „Сдѣлайте, пишетъ она, чтобы мнѣ дали впередъ (если бы вы это могли) такую сумму, какую я получила; если это возможно, чтобъ это было еще болѣе въ тайнѣ, чѣмъ въ первый разъ, и не могло ли бы это придти безъ того, чтобы знали здѣсь, что это для меня, но для вашего употребленія или подъ другимъ какимъ-либо предлогомъ?“ И тутъ же подкрѣпляетъ свою просьбу словами: „Вы будете звеномъ, которое скрѣпитъ естественную дружбу, которая должна существовать между нашими обѣими родинами; а какое звено болѣе крѣпко, какъ то, которое основано на уваженіи и на довѣрїи, самомъ заслуженномъ? Мы преодолѣемъ вмѣстѣ нашихъ враговъ“³⁾. Были ли это дѣйствительныя чувства Екатерины или заявленіе о нихъ вынуждалось обстоятельствами, именно нуждой въ деньгахъ, рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ у великой княгини не было причины къ недовольству Англїей. Конечно, нельзя отрицать, что ея чувства къ этому государству были подогрѣты дружбой съ Уилльямсомъ и тѣми одолженіями, которыя дѣлалъ ей англійскій король, а можетъ быть, и расчетами на дальнѣйшія одолженія.

О чувствахъ великой княгини къ Пруссїи за время переписки мы вполне опредѣленныхъ данныхъ не имѣемъ. Изъ первыхъ ея писемъ мы видимъ, что она считала желательнымъ присутствіе въ Петербургѣ прусскаго посла. Въ немъ она видѣла пособника Уилльямсу, что было бы противовѣсомъ совмѣстной дѣятельности вице-канцлера Воронцова, который въ перепискѣ называется Лепидомъ, съ Дугласомъ“⁴⁾. Затѣмъ, по прочтеніи брошюры, въ которой Фридрихъ II оправдывалъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ Саксонїи и Австрїи, она объявила себя, въ письмѣ отъ 20 ноября, глубокой почитательницей прусскаго короля. Въ дру-

¹⁾ Переписка, стр. 80.

²⁾ Тамъ же, стр. 339.

³⁾ Тамъ же, стр. 338.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 27.

гихъ же мѣстахъ она высказывалась иначе. Такъ, въ ея запискѣ, отъ 30 августа мы читаемъ: „Если бы я былъ на мѣстѣ, на которомъ вы желаете меня видѣть (здѣсь имѣется въ виду императорскій тронъ), я бы постарался воспользоваться оплошностями его прусскаго величества, и нельзя было бы упустить выслушать эти предложенія, развѣ при потерѣ разсудка. Не глупость ли съ его стороны обращаться къ нашему посредничеству? развѣ буржуазное правило, требующее безпристрастія въ посредникѣ, не въ силѣ между великими вельможами?“¹⁾ Впрочемъ, въ подобной формѣ можно высказаться и о лицѣ, къ которому доброжелательны. Поэтому-то на это мѣсто нельзя ссылаться какъ на доказательство недоброжелательства великой княгини къ прусскому королю. Отношеніе ея къ самому участию русскихъ въ войнѣ противъ Пруссіи также не выясняется вполнѣ опредѣленно. Такъ, когда Апраксинъ, назначенный главнокомандующимъ арміи, выставляемой противъ пруссаковъ, затѣялъ разговоръ съ ней о своемъ отъѣздѣ въ армію, она сказала ему: „Я не люблю войны. Нѣтъ ничего лучше мира“. Извѣщая объ этомъ Уилльямса, она какъ бы съ удовольствіемъ сообщаетъ послѣдовавшей на это отвѣтъ Апраксина: „Если пруссіи король нападетъ на меня, я буду сражаться. Если не нападетъ, я останусь въ покоѣ“²⁾. Затѣмъ же, сообщая англійскому послу, что Апраксинъ спрашивалъ у нея: ѣхать ли ему къ арміи или остаться, она умалчиваетъ, какой дала на это отвѣтъ³⁾. Уилльямсъ же снѣшить подать ей на этотъ счетъ совѣтъ, хотя она и не просила его объ этомъ. „Я хотѣлъ бы всегда, пишетъ онъ, чтобъ мои совѣты были пріятны вамъ; когда мы оба одного мнѣнія, я былъ бы всегда доволенъ, и я бы воображалъ себѣ, что совѣтъ хорошъ. Если Апраксинъ—вашъ другъ, онъ не уѣдетъ“⁴⁾. Изъ всего этого трудно сдѣлать увѣренный выводъ. Впрочемъ, отчасти насъ выводитъ изъ затрудненія записка великой княгини отъ 18 ноября. Предъ этимъ Уилльямсъ спрашивалъ у нея, какъ будетъ относиться великокняжескій дворъ къ прусскому королю послѣ смерти Елисаветы Петровны. Относительно себя Екатерина отвѣтила въ слѣдующей формѣ: „Что касается ея высочества великой княгини, то такъ какъ не рѣшено, будетъ ли она имѣть тогда много авторитета, то почти напрасно говорить о томъ, но мы удовлетворимъ ваше любопытство: знайте, что она никогда не посовѣтуетъ иного, какъ

¹⁾ Переписка, стр. 108.

²⁾ Тамъ же, стр. 121.

³⁾ Тамъ же, стр. 210.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 212.

то, что она сочтетъ причастнымъ къ славіи и къ выгодѣ Россіи, къ которой она имѣетъ страсть столь же сильную, какъ спартаецъ имѣлъ къ Лакедемону, но она также знаетъ всю нужду, которую имѣетъ эта страна, быть хорошо управляемой внутри“¹⁾. Такой отвѣтъ можно было дать всякому послу, помимо тѣхъ чувствъ, которыя питались къ тому государству, котораго онъ былъ представителемъ.

Но учитывая то, что Екатерина Алексѣевна была довольно щедра въ изліяніяхъ по адресу Англіи, придется допустить, что она неособенно благоволила къ Пруссіи и, не желая огорчить этимъ Уилльямса, дала ему уклончивый отвѣтъ. Эту догадку подтверждаетъ и то, что уже въ слѣдующемъ году великая княгиня побуждаетъ Апраксина въ своихъ письмахъ къ нему къ энергичному дѣйствию противъ Пруссіи.

Къ Франціи, какъ мы могли заключить изъ ряда раньше приведенныхъ мѣстъ, Екатерина относилась враждебно. Этому много способствовало, съ одной стороны, то, что при русскомъ дворѣ сторону Франціи держали лица, недоброжелательно относившіяся къ велико-княжескому двору, съ другой стороны—вліяніе Уилльямса, видамъ котораго совершенно не соотвѣтствовало стремленіе Шуваловыхъ добиться обмѣна послами между Россіей и Франціей. „Версальскіе министры, говоритъ англійскій посолъ въ письмѣ къ великому князю, врученномъ Екатеринѣ незапечатаннымъ для передачи, интриганы и предприимчивы при всѣхъ дворахъ, и они довольно блестящимъ образомъ доказали это въ С.-Петербургѣ. Такъ какъ чувства вашего императорскаго высочества по отношенію къ нимъ извѣстны теперь обществу, то вашему высочеству нельзя не быть очень предубѣжденнымъ противъ тѣхъ, которые думали бы его увѣрить въ дружбѣ этой страны или ея министровъ къ Россіи. И если сегодня Франція дѣлаетъ видъ, что ищетъ дружбы императрицы, то она это дѣлаетъ скорѣе съ намѣреніемъ повредить Великобританіи, чѣмъ съ цѣлью предоставить какую-либо выгоду этой имперіи“²⁾. Затѣмъ, въ письмѣ отъ 20 августа онъ рисуетъ предъ великой княгиней тѣ перемѣны, которыя, по его мнѣнію, произойдутъ при дворѣ съ пріѣздомъ французскаго посла. „Коль скоро пріѣдетъ французскій посолъ, пишетъ онъ, Шуваловы, которые его выписали, будутъ его всѣми силами поддерживать. Тѣ, которые хвалятся тѣмъ, что поддерживаютъ французовъ, всегда превращаются въ ихъ рабовъ или вводятся ими въ обманъ. Только

¹⁾ Переписка, стр. 276.

²⁾ Тамъ же, стр. 44.

немного дней посольство будетъ въ ихъ рукахъ, они же попадутъ въ его собственныя, и онъ заставитъ ихъ удалить всѣхъ тѣхъ, которые не послѣдуютъ слѣпо его предначертаніямъ и не подчинятся его желаніямъ“. Побуждаемая Уилльямсомъ, Екатерина Алексѣевна нѣсколько разъ требовала отъ Шуваловыхъ не только порвать связи съ Франціей, но даже препятствовать пріѣзду ея посла въ Петербургъ. Въ одномъ же изъ писемъ, уже нами цитированномъ, она прямо высказалась, что во французскомъ послѣ видить своего врага.

Минуя чувства великой княгини къ Австріи, установить которыя мы не беремся за отсутствіемъ данныхъ, хотя можно допустить, что отношеніе ея къ этому государству было отчасти недоброжелательно уже потому, что Австрія домогалась сближенія Россіи съ Франціей, мы коснемся чувствъ Екатерины къ Швеціи.

Великая княгиня любовно относилась къ шведскому королю, какъ къ своему родственнику; при чемъ въ перепискѣ она не разъ выражала безпокойство по поводу получаемыхъ изъ Швеціи извѣстій о происходившихъ тамъ смутахъ. Такъ въ письмѣ отъ 8 августа она писала Уилльямсу: „Я сокрушаюсь сердцемъ, когда я думаю о Швеціи. Мое воображеніе поражено до такой степени, что всѣ ночи мнѣ снятся событія въ Швеціи. Моя искренняя привязанность къ Россіи, стыдъ, падающій на Россію, дружба къ шведскому королю, которую я всосалъ въ себя съ молокомъ, все это вмѣстѣ взятое причиняетъ мнѣ горе, которое увеличивается при мысли, что я ничѣмъ не могу помочь. При мысли о мученикахъ я испытываю такую боль, которая возобновляется всякій разъ, какъ они представляются моему воображенію“¹⁾. Въ письмѣ къ канцлеру, пересланномъ, по возвращеніи, къ Уилльямсу при запискѣ отъ 29 августа, мы читаемъ: „То безпокойное состояніе, въ которомъ не стыдятся оставлять моего дядю, шведскаго короля, отнюдь не озабоченные тѣмъ презрѣніемъ, которое падаетъ на родину отъ того, что разрѣшаютъ французскому послу и 16 негодьямъ, проданнымъ ему, оскорблять короля, котораго посадила на престолъ русская императрица, и образъ управленія котораго ей былъ обезпеченъ, тогда какъ ему могли придти на помощь четырема строками,—все это съ той цѣлью, какъ я думаю, чтобъ прославиться тѣмъ, что добились отъ французскаго двора милостивой присылки посла сюда для предписанія законовъ великимъ людямъ и модъ—маленькимъ,—все это, говорю я, должно было меня разочаровать въ заблужденіи заступаться за моихъ родныхъ“²⁾.

¹⁾ Переписка, стр. 22.

²⁾ Тамъ же, стр. 100.

Отношенія же Екатерины Алексѣевны къ Даніи зиждятся на вопросѣ о Голштинскомъ герцогствѣ. Данія, завладѣвъ Шлезвигомъ, думала посредствомъ обмѣна приобрѣсть и Голштинію; но великій князь Петръ Ѳедоровичъ, какъ голштинскій герцогъ, и слышать не хотѣлъ объ обмѣнѣ, а лелѣялъ мечту когда-либо возвратить къ своимъ владѣніямъ в Шлезвигъ. Вся надежда датчанъ была на то, что великая княгиня убѣдитъ Петра Ѳедоровича согласиться на обмѣнъ. Но, какъ мы видимъ изъ ея записки отъ 25 августа, она отказывалась отъ какого-либо посредничества до тѣхъ поръ, пока датскій король не откажется отъ намѣренія выставить своего младшаго сына въ качествѣ замѣстителя Любекскаго епископа, такъ какъ эта должность уже въ теченіе 200 лѣтъ была удѣломъ младшихъ сыновей голштинскаго дома, которые бы, съ отнятіемъ ея, стали нищими и беспокоили бы русскій дворъ, какъ родственники, просьбами о вспоможеніи¹⁾. Въ запискѣ къ канцлеру, она поручаетъ ему противодѣйствовать этому намѣренію датскаго короля совмѣстно съ англійскимъ посломъ. „Такъ какъ я думаю, добавляетъ она, что выгоды англійскаго короля связаны въ этомъ отношеніи съ интересами моихъ дядей, я прошу ваше превосходительство послать за англійскимъ посломъ и сказать ему, чтобъ онъ совмѣстно съ вашимъ превосходительствомъ употребилъ всѣ средства, которыя онъ признаетъ приличными, къ отводу этого гибельнаго удара и устраненію этого срама отъ дома, изъ котораго происходитъ великій князь и я, и который уже безъ того слишкомъ въ упадкѣ“²⁾.

Датское правительство все-таки думало достигъ успѣха посредствомъ подкупа великой княгини. Съ этой цѣлью Бернсторфъ извѣстилъ Бестужева, что приняты мѣры, чтобы датскій банкиръ въ Гамбургѣ „держалъ наготовѣ, къ услугамъ ея императорскаго высочества, сто тысячъ рублей“. Кроме того была предложена пожизненная пенсія ея матери, принцессѣ цербсткой, въ 6.000 червонцевъ въ годъ, уплату которой обѣщали начать со дня заключенія договора объ обмѣнѣ. Какое впечатлѣніе произвела на Екатерину депеша Бернсторфа къ канцлеру, можно судить по проекту ея письма къ послѣднему: „Я получила письмо господина Бернсторфа, читаемъ мы въ проектѣ, которое вы прислали мнѣ. Послѣ знаковъ уваженія, которые оказываетъ мнѣ это письмо со стороны датскаго короля, я не думала въ немъ найти свидѣтельство презрѣнія столь замѣтное, какъ предложеніе ста тысячъ рублей. Я прошу васъ,

¹⁾ Переписка, стр. 83.

²⁾ Тамъ же, стр. 101.

милостивый государь, дать знать и показать господину Остену¹⁾ эту записку для того, чтобы онъ извѣстилъ короля, своего государя, о томъ, что мой образъ мысли не столь недостоинъ, какъ его дворъ себѣ изображаетъ его, что то, что я сдѣлала, было сдѣлано по дружбѣ къ Россіи, что на будущее время я не совершу ни одного шага, о которомъ великій князь не былъ бы освѣдомленъ, и что помимо почтенія, которое я испытываю къ вамъ, милостивый государь, я предупреджу его немедленно о предложеніяхъ, которыя смѣютъ дѣлать мнѣ.... Если его датское величество желаетъ нашей дружбы, великаго князя и моей, и если онъ желаетъ извѣстнаго договора, вотъ условія, которыя ни въ чемъ не могутъ быть измѣнены, и это мое послѣднее слово“. Затѣмъ идетъ перечисленіе условій. Въ заключеніе Екатерина говоритъ: „Я дѣлаю это, потому что я люблю Россію, но также пусть знаетъ датскій король, что это единственная причина моихъ дѣйствій“²⁾.

Образъ дѣйствій Екатерины Алексѣвны въ рассматриваемый нами періодъ, какъ мы видѣли, не отличался особенной послѣдовательностью. Она то отвергаетъ попытки Шуваловыхъ къ сближенію, то сама ищетъ этого сближенія; то бранитъ въ своихъ письмахъ канцлера, то ратуетъ за него. Но эта противорѣчивость или, лучше, нервность ея дѣятельности отчасти объясняется исключительностью обстоятельствъ, которыя выпали на это время. Изъ нихъ, какъ мы уже указывали, особенную роль играли—болѣзнь императрицы и усиленіе французской партіи при дворѣ. Не малую роль въ этой нервности сыгралъ и совѣтникъ великой княгини, Уилльямсъ. Въ каждомъ его письмѣ чувствуется отсутствіе у автора уравновѣженности и той осмотрительности въ сужденіяхъ, которая особенно нужна дипломату. Напрям., по вопросу о приѣздѣ французскаго посла онъ то высказывается, что этотъ приѣздъ ему ничуть не страшенъ, повѣривъ на слово, что гарантія Ганновера обезпечена, то чрезмѣрно беспокоится за успѣшность своей миссіи, съ приѣздомъ французскаго посла, узнавъ, что молва о гарантіи оказалась ложной. Бывало, что въ одинъ и тотъ же день онъ различно высказывался объ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ, отвѣчая на письмо великой княгини, въ которомъ она сообщала, что Апраксинъ предоставилъ ей выбирать, долженъ ли онъ ѣхать къ арміи или нѣтъ, Уилльямсъ, какъ мы уже говорили, спѣшитъ внушить ей, что главнокомандующій долженъ остаться въ Петербургѣ, а вечеромъ того же дня пишетъ: „Предложеніе Апраксина уѣхать или

1) Датскій посланникъ въ Петербургѣ.

2) Переписка, стр. 320—321.

остаться сообразно съ вашими приказаніями—одинъ только простой комплиментъ; вы уже знали, что русскія войска не должны были перейти свои границы въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ совершенно безразлично, останется ли фельдмаршалъ въ Петербургѣ или поѣдетъ онъ въ Ригу¹⁾. Возбужденный какимъ-либо ничтожнымъ случаемъ, онъ рисовалъ фантастическія картины успѣха или опасности и самъ же первый вѣрилъ всему этому. Нагляднымъ образомъ на эту черту въ немъ указываетъ его письмо отъ 9 августа, къ которомъ, какъ у насъ уже упоминалось, подъ вліяніемъ бесѣды съ Вольфомъ, онъ вообразилъ, что на него надвигается страшная опасность, и спѣшить предотвратить ее, не разбираясь въ годности средствъ.

Яркую характеристику этой личности мы находимъ у Бильбасова, въ приложеніи къ первому тому его „Исторія Екатерины II“. „Это былъ фантазеръ, говоритъ онъ, человекъ нервный и настолько предубѣжденный, что онъ видѣлъ только то, что предполагалъ видѣть; слушая рѣчь, онъ понималъ ее въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ она ему казалась желательной. Нельзя, конечно, сказать, что въ своихъ донесеніяхъ онъ завѣдомо обманывалъ свое правительство; онъ искренно вѣрилъ въ то, о чемъ доносилъ; но онъ самъ составлялъ себѣ невѣрныя представленія о томъ, что видѣлъ и слышалъ“²⁾. Въ доказательство сказаннаго Бильбасовъ сопоставляетъ двѣ депеши Уилльямса къ своему правительству, отъ 2 ноября и 18 декабря 1756 г. Въ первой изъ нихъ англійскій посолъ доноситъ, что „Апраксинъ, откланиваясь великой княгинѣ, сказалъ ей высочеству, что отправляется въ Ригу принять начальство надъ арміей, лишенной офицеровъ и кавалеріи“.

Во второй онъ пишетъ: „Посылаю вамъ самыя вѣрныя извѣстія, которыя только удалось мнѣ получить относительно плановъ, касающихся русской арміи. Они были сообщены мнѣ здѣшнимъ лучшимъ моимъ другомъ—великой княгиней. Она имѣла весьма продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ, въ ночь наканунѣ его отъѣзда въ Ригу, и то, что я пишу вамъ теперь, есть только точный списокъ того письма, которымъ ея величество почтила меня на другой же день.“

Фельдмаршалъ Апраксинъ сильно жаловался императрицѣ, что его отправляютъ начальствовать надъ арміей, лишенной кавалеріи и офицеровъ. На это великая княгиня спросила его, зачѣмъ же онъ принялъ на себя такое командованіе; Апраксинъ отвѣчалъ,

¹⁾ Переписка, стр. 215.

²⁾ Бильбасовъ „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 454.

что онъ долженъ былъ подчиниться повелѣнію императрицы. Затѣмъ великая княгиня спросила его, что онъ предпочитаетъ дѣлать и думаетъ ли онъ идти прямо на Мемель. Онъ отвѣчалъ:— Что толку въ такой крѣпостишкѣ, какъ Мемель? что вовсе не имѣется въ виду атаковать его прусское величество, но рѣшено идти прямо черезъ Польшу въ Силезію. Она возразила, что, быть можетъ, король прусскій атакуетъ васъ во время вашего марша. Онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ я сдѣлаю все, что будетъ возможно для своей защиты; но у меня нѣтъ намѣренія атаковать Пруссію. Весь этотъ разговоръ я считаю достовѣрнымъ, потому что Апраксинъ всегда угождаетъ моему другу, великой княгинѣ, и считается чрезвычайно преданнымъ ея интересамъ“.

Отмѣтивъ то, что въ обѣихъ депешахъ одинъ и тотъ же отзывъ Апраксина о составѣ порученной ему арміи отнесенъ сначала къ великой княгинѣ, а затѣмъ къ императрицѣ, Бильбасовъ замѣчаетъ, что, судя по заявленію Уилльямса, упомянутое имъ во второй депешѣ письмо отъ великой княгини онъ получилъ въ день отъѣзда Апраксина, т. е. 30 октября. Такъ какъ съ этого дня до 18 декабря Уилльямсъ отправилъ въ Англію четыре депеши и ни въ одной изъ нихъ не сообщилъ о планахъ Апраксина, то Бильбасовъ предполагаетъ, что все, изложенное имъ въ депешѣ отъ 18 декабря, онъ почерпнулъ изъ ходившихъ въ Петербургѣ слуховъ „о тѣхъ планахъ военныхъ дѣйствій, которые разсматривались конференціей въ началѣ декабря“, и облекъ эти извѣстія въ форму разговора русскаго главнокомандующаго съ великой княгиней съ цѣлью придать имъ большій вѣсъ. Желая же усилить въ глазахъ англійскаго правительства свое значеніе при великокняжескомъ дворѣ, Уилльямсъ отмѣтилъ, что безъ измѣненія выписалъ эти новости изъ письма къ нему великой княгини. Самое же письмо Екатерины Бильбасовъ разсматриваетъ, какъ „чистый вымысел“¹⁾.

Данныя переписки позволяютъ намъ отчасти смягчить то обвиненіе, которое г. Бильбасовъ возводитъ на Уилльямса. Прежде всего въ письмѣ отъ 5 ноября 1756 г., приходившагося тогда на вторникъ, великая княгиня сообщаетъ, что въ воскресенье, т. е. 3 ноября, она говорила при дворѣ съ Апраксинымъ, и что онъ сказалъ, что уѣзжаетъ черезъ два дня. Далѣе она говоритъ, что въ понедѣльникъ, т. е. 4 ноября, фельдмаршалъ приходилъ съ женой къ ней прощаться. Это наводитъ насъ на мысль, что Апраксинъ уѣхалъ изъ Петербурга не 30 октября, какъ думаетъ Бильбасовъ, а 5 ноября, черезъ два дня послѣ разговора съ великой княгиней при дворѣ.

¹⁾ Бильбасовъ. „Исторія Екатерины II“, т. I, стр. 457—462.

Поэтому, естественно, ко второму ноября Уилльямсу еще не было известно содержаніе прощальной бесѣды великой княгини съ Апраксинымъ. Кромѣ того въ этомъ и послѣдующихъ письмахъ Екатерины мы не находимъ ничего сходнаго съ тѣмъ, что сообщилъ Уилльямсъ въ своей депешѣ отъ 18 декабря, за исключеніемъ отзыва Апраксина о русской арміи. Такъ, въ указанномъ письмѣ мы читаемъ: „Она (жена Апраксина) рассказала мнѣ, что... (ея мужъ) ѣхалъ командовать арміей безъ офицеровъ и кавалеріи, что когда онъ сказалъ это императрицѣ, та разсердилась, а потомъ сказала Петру Шувалову: „вы увеличиваете мои силы предо мною, вы совсѣмъ не боитесь Бога, обманывая меня, Апраксинъ увѣряетъ меня, что у него недостаетъ кавалеріи“, что вслѣдствіе этого Петръ Шуваловъ не допускалъ въ теченіе восьми дней фельдмаршала говорить съ императрицей, и что Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ пугалъ ея величество, несмотря на ея нездоровье“¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что отзывъ Апраксина о войскѣ долженъ быть отнесенъ недѣли за двѣ до отъѣзда его къ арміи, а можетъ быть и къ болѣе раннему времени, и при томъ онъ былъ высказанъ не великой княгинѣ, какъ сказано въ депешѣ Уилльямса отъ 2 ноября, а императрицѣ, какъ гласитъ вторая депеша. Далѣе, объ этомъ разговорѣ великая княгиня узнала не отъ самого фельдмаршала, а, какъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ, отъ его жены. Поэтому слѣдующій послѣ этого, по депешѣ, діалогъ между главнокомандующимъ и великой княгиней, можетъ быть, и не имѣлъ мѣста при прощальномъ визитѣ. Да къ тому же Екатерина Алексѣевна и не познакомила англійскаго посла съ тѣмъ, о чемъ у нея шла рѣчь съ Апраксинымъ наканунѣ его отъѣзда. Въ общемъ же сообщеніе Уилльямса во второй депешѣ о томъ, что великая княгиня бесѣдовала съ фельдмаршаломъ о предполагаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пруссіи, не является вымысломъ. Подобный разговоръ происходилъ между означенными лицами болѣе чѣмъ за мѣсяць до отъѣзда Апраксина, а именно — 29 сентября. Онъ изложенъ Екатериной въ ея запискѣ отъ 30 сентября, и мы цѣликомъ приведемъ его для сопоставленія съ депешей.

„Я щупалъ и перещупалъ вчера Апраксина разными способами; онъ мнѣ сказалъ, что его инструкціи уже восемь дней какъ были у императрицы и не были подписаны, что онъ ждалъ ихъ и денегъ на путешествіе, чтобъ уѣхать. Я спросилъ его: „нападете ли вы на Мемель?“ „Нѣтъ, сказалъ онъ, что намъ дѣлать съ этой лачугой. Она будетъ нашей, когда мы захотимъ этого и одержимъ

¹⁾ Переписка, стр. 248.

болѣе полезныя побѣды; болото, которое защищаетъ онъ, не стоитъ того, чтобы въ немъ засѣсть“. — Вы возьмете тогда (путь) черезъ Польшу? сказалъ я. — Да, былъ его отвѣтъ, если случай того потребуетъ.—Но, продолжалъ я, думаете ли вы, что прусскій король будетъ васъ ждать? Все будетъ сдѣлано и, конечно, до вашего прихода, и вы вернетесь, какъ пришли, не увидавъ непріятеля. — Такъ вы думаете, отвѣтилъ онъ мнѣ, что онъ помирится съ другими, чтобы сразиться съ одними нами?

— Нѣтъ, сказалъ я, я очень увѣренъ и твердо думаю, что онъ намѣренъ безусловно не приступать къ войнѣ съ нами.

Мнѣ показалось, что я увидѣлъ въ немъ радость въ виду этихъ словъ. Онъ возразилъ мнѣ: „мои полки уже подвинулись въ Курляндію далѣе того, гдѣ они были, но они не имѣютъ еще всѣхъ своихъ запасовъ“. — Да, сказалъ я, и запасы Курляндіи скоро истощатся, такъ какъ 80.000 человѣкъ много значать.

Онъ прибавилъ: „Литва намъ привезетъ ихъ за деньги“. — Вы пойдете за ними, сказалъ я, вы заблуждаетесь. Онъ разсмѣялся, а я заключилъ, что онъ не зналъ своего назначенія, что всѣ приготовления, которыя дѣлаютъ, — одинъ только вѣтеръ, что ничего нѣтъ опредѣленнаго и что имъ недостаетъ многихъ вещей, прежде, чѣмъ быть въ состояніи что-либо предпринять¹⁾“.

Сличеніе разговора, переданнаго Екатериной, съ изложеніемъ его въ депешѣ англійскаго посла, показываетъ, что обѣ передачи сходны между собой только по своему началу. Но это все-таки не мѣшаетъ намъ отнести къ Уилльямсу менѣе строго, чѣмъ какъ это сдѣлалъ г. Бильбасовъ. Сообщение Уилльямса не есть „чистый вымысел“, а только довольно вольная комбинація сообщеннаго ему великой княгиней. Кромѣ того, кое-что изъ сообщенія Екатерины оставлено безъ вниманія и замѣнено личными измышленіями англійскаго посла. Все это какъ нельзя лучше оправдываетъ приведенную нами характеристику Уилльямса, данную г. Бильбасовымъ. Вѣроятно, въ моментъ написанія депеши въ умѣ англійскаго посла по какой-либо ассоціаціи всплыли упомянутыя сообщенія великой княгини. Но онъ не потрудился порыться въ хранившихся у него копіяхъ съ писемъ Екатерины Алексѣевны, чтобы точнѣе установить время сообщенія ему этихъ извѣстій и самую форму ихъ. Надѣясь на свою память, онъ, вѣроятно, былъ увѣренъ, что не погрѣшитъ противъ истины.

Хотя Уилльямсъ, какъ мы видѣли, во-время не воспользовался

¹⁾ Переписка, стр. 186—187.

сообщенными ему великой княгиней свѣдѣніями, но уже тотъ фактъ, что Екатерина Алексѣевна знакомила посла дружественной Пруссіи державы съ тѣми военными планами, которые проектировались при русскомъ дворѣ противъ Фридриха II, является государственнѣмъ преступленіемъ. Подъ эту же рубрику должно отнести и пересылку Уилльямсу копій съ дипломатическихъ бумагъ, о чемъ мы упоминали раньше. Такой образъ дѣйствій Екатерины никакъ не вяжется съ тѣми ея заявленіями о своей любви къ Россіи, которыя не разъ попадались въ нашихъ выдержкахъ изъ ея писемъ, и я, не надѣясь на свои силы, предоставляю людямъ болѣе опытнымъ разобраться въ немъ. Что же касается внѣшней стороны этого факта, то можно замѣтить, что Екатерина вовсе не боялась, что ея предосудительная дѣятельность будетъ обнаружена. Она вполнѣ вѣрила въ преданность своего камеръ-юнкера Льва Александровича Нарышкина и нѣкоего Свалло, которые были посредниками между нею и Уилльямсомъ по доставкѣ писемъ, что видно изъ того, что она, какъ и Уилльямсъ, скоро перестали прибѣгать къ условнымъ именамъ при упоминаніи въ письмахъ о комъ-либо изъ придворныхъ. Получая же свои записки обратно, Екатерина, вѣроятно, уничтожала ихъ, не подозрѣвая, что англійскій посолъ снималъ съ нихъ копіи.

На этомъ мы и оканчиваемъ свою работу.

Въ заключеніе же является не лишнимъ замѣтить, что изданіе разсмотрѣнной нами переписки не можетъ не быть цѣннымъ для русской исторіи, такъ какъ эта переписка освѣщаетъ самый активный періодъ изъ жизни Екатерины II въ Россіи во время царствованія Елисаветы Петровны. Этотъ періодъ, впрочемъ, можетъ быть, слѣдуетъ немного расширить за предѣлы годового срока, обнимаемаго перепиской, но, конечно, не назадъ отъ середины 1756 г., такъ какъ только съ этого времени, съ момента, когда Елисавета Петровна опасно заболѣла, Екатерина начала проявлять себя, какъ защитница интересовъ великокняжескаго двора, на которые въ то время, какъ предполагалось, посягала партія Шуваловыхъ. Съ конечнаго же момента переписки названный періодъ должно удлинить болѣе чѣмъ на полгода, до февраля 1758 г., до начала процесса надъ Бестужевымъ и Апраксинымъ, когда на великую княгиню смотрѣли, какъ на причастную къ отступленію Апраксина изъ Пруссіи къ русской границѣ. Хотя допросъ подсудимыхъ и слѣдствіе по ихъ дѣлу не обнаружилъ виновности Екатерины, и ей удалось примириться съ императрицей, но уже съ паденіемъ Бестужева она не могла хотя бы косвенно оказывать вліяніе на ходъ русской политики. Великой княгинѣ пришлось уйти въ самоѣ

себя еще потому, что Петръ Ѳедоровичъ съ 1758 г. началъ замѣтно сторониться ея.

До сихъ поръ о жизни Екатерины II, въ бытность ея великой княгиней, мы могли почерпать свѣдѣнія почти только изъ ея записокъ, составленныхъ значительно позже и описывающихъ былыя событія по памяти и изъ нѣсколькихъ писемъ къ разнымъ лицамъ. Переписка же раскрываетъ предъ нами событія, закрѣпленные непосредственно за ихъ совершеиіемъ, и ярко обрисовываетъ тѣ чувствованія, которыя они вызывали. Такимъ образомъ въ перепискѣ Екатерины Алексѣвны съ Уилльямсомъ мы имѣемъ цѣнный матеріаль для ея исторіи.

Д. А. Архангельскій.

(Окончаніе).

